

Л. М. Сабурова, К. В. Чистов

ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЗЕЛЕНИН

(К 100-летию со дня рождения)

В этом году научная общественность Советского Союза и других европейских стран отмечает столетие со дня рождения одного из крупнейших наших этнографов — члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Константиновича Зеленина.

Заслуги Д. К. Зеленина чрезвычайно велики. Его научная деятельность, начавшаяся в первое десятилетие нашего века, стала живой связью лучших традиций русской науки XIX века и этнографии советского времени. Он был ученым, который сумел осуществить гигантский труд подытоживания достижений русской дореволюционной этнографии в сфере изучения восточных славян и вместе с тем сыграл значительную роль в ее дальнейшем развитии в советское время. В этой связи должны быть прежде всего названы его капитальное обобщение этнографии восточных славян «Russische (Ostslavische) Volkskunde» (1927), т. е. «Русская (восточнославянская) этнография», фундаментальный «Библиографический указатель литературы о внешнем быте народов России» (1913) и трехтомное «Описание рукописей архива Географического общества» (1914—1916) — бесценные пособия для всех исследователей этнографии народов СССР.

Работа, потребовавшаяся для подготовки этих книг, и сейчас составила бы честь целому коллективу высококвалифицированных этнографов. Однако это — только часть научного наследия Д. К. Зеленина. Подобной же источниковедческой основательностью отличается большинство опубликованных им книг, статей и заметок. До сих пор любой славист, а также исследователь народных верований и обрядов, каким бы народом он ни занимался, проверяет свою осведомленность «по Зеленину». Основательность, сочетавшаяся с постоянной теоретической напряженностью и целеустремленностью, непрерывным и вместе с тем осторожным поиском обобщений и закономерностей, формировалась постепенно, но очень обдуманно и осознанно. Следует решительно оставить легенду о Зеленине-эмпирике, возникшую на рубеже 20—30-х годов, так же как и некоторые другие легенды, распространившиеся

вокруг него в это время. Методические идеи Д. К. Зеленина актуальны и до сих пор. Он отвергал поверхностность, стремление форсировать выводы (и, тем более, публиковать их) до выявления необходимых фактов, считал их максимальную мобилизацию необходимым условием надежных обобщений, но никогда не был подавлен фактами, всегда четко формулировал свои теоретические задачи и метод исследования. «Годы анализа — часы синтеза!» — такое правило предписывал он себе и своим ученикам. Однако, обратим внимание! Именно «анализа», а не равнодушного нагромождения фактов. Поэтому поучительны не только итоги деятельности Д. К. Зеленина, но и его путь в науке.

О Д. К. Зеленине написано незаслуженно мало¹. Это преимущественно некрологи или статьи, касающиеся отдельных, подчас далеко не главных проблем. Исключение составляют только записка о трудах Д. К. Зеленина, составленная четырьмя видными учеными в связи с избранием его в 1925 году членом-корреспондентом АН СССР, в которой характеризуется первая часть его научного пути, и статья А. И. Васьиной и Н. И. Гаген-Торн, в которой была предпринята первая попытка общего уяснения научного пути ученого. Поэтому сейчас очень важно выявить все сделанное им и осмыслить хотя бы узловые моменты его научной деятельности. В связи с этим Институт этнографии АН СССР в сотрудничестве с учеными некоторых других учреждений подготовил сборник статей «Проблемы славянской этнографии. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина». Он содержит статьи о Зеленине-этнографе (Л. М. Сабурова), диалектологе (С. М. и Н. И. Толстые), фольклористе (Н. В. Новиков), педагоге (Н. И. Гаген-Торн), о работах его, связанных с Вятским краем (Е. П. Луппова), о харьковском периоде (В. З. Фрадкин) и др. Поэтому в настоящей статье, опираясь на перечисленные работы, мы ограничимся лишь напоминанием самых общих сведений об ученом.

Зеленин родился 21 октября 1878 г. в с. Люк Сарапульского уезда Вятской губернии. По семейной традиции он должен был учиться в семинарии, а затем стать священником или продолжать образование в Духовной академии. Однако Д. К. Зеленин, несмотря на значительные материальные трудности, стал студентом Юрьевского (Тартуского) Университета и со свойственной ему энергией углубился в изучение лингвистики и этнографии. После окончания университета в 1904 году он был оставлен «для подготовки к профессорскому званию» при кафедре сравнительного языкознания. Его кандидатское сочинение называлось «Германские, романские и латинские элементы, вошедшие в русский язык до XV века». В эти же годы Д. К. Зеленин устанавливает научный контакт с академиками А. А. Шахматовым и Ф. Ф. Фортунатовым, причем особенно значительным было влияние А. А. Шахматова, считавшего диалектологию важнейшей составной частью и источником истории русского языка. Шахматов привлек его к участию в подготовке многотомного «Словаря русского языка», с изданием которого Д. К. Зеленин был связан до середины 20-х гг. В 1916—1925 гг. он преподавал

¹ См. Е. Карский, Б. Ляпунов, В. Перетц, П. Лавров. Записка об ученых трудах проф. Д. К. Зеленина. — «Изв. АН СССР», 1925, серия VI, т. XIX, № 18; Т. В. Станюкович, М. Д. Торэн. Д. К. Зеленин (некролог). — «Сов. этнография», 1954, № 4; А. С. Бежкович. Дмитрий Константинович Зеленин (1878—1954). — «Изв. ВГО», т. 87, 1955, вып. 4; Б. Н. Вишневский. Работы Д. К. Зеленина по этнографии Прикамья и Урала. — «На Западном Урале. Сборник статей», Пермь, 1956; Н. И. Гаген-Торн, А. И. Васьина. Д. К. Зеленин и его связь с эстонской наукой. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1966, в. 184 — «Труды по русской и славянской филологии», IX; С. В. Смирнов. Д. Н. Кудрявский и Д. К. Зеленин. Биографические материалы. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1968, в. 219 а; Н. И. Гаген-Торн и А. И. Васьина. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина. — «Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», в. V, М., 1971; М. Я. Мельц. Русские фольклористы-библиографы конца XIX — начала XX века. Там же.

в Харьковском университете, а с 1925 г. и до конца своей жизни жил и работал в Ленинграде — здесь он был профессором Ленинградского университета и сотрудником Института этнографии АН СССР.

С 1899 года стали появляться первые публикации Д. К. Зеленина. Как следует из недавно составленной библиографии его работ, с тех пор им было опубликовано около трехсот книг, статей, рецензий, заметок и т. д.² В Архиве АН СССР в Ленинграде хранится обширный фонд Д. К. Зеленина, содержащий не только рабочие материалы и документы, но и ряд работ, до сих пор по различным причинам неопубликованных. В их числе — «Вопросы этнографии русского народа» (глава из задуманной книги «Этнография русского народа в связи с этнографией братских народов — украинского и белорусского»), «К истории русской народной терминологии», статьи «Польский народ», «Чехи и словаки», «Югославы» и др.³

С первых шагов своей деятельности Д. К. Зеленин очень хорошо, хотя, может быть, сначала интуитивно, понимал, что любые факты народного быта, особенно явления и формы традиционной культуры, не могут быть поняты сами по себе. Их происхождение, смысл, распространение, функционирование, варьирование и т. д. могут получить убедительное истолкование только во взаимосвязи со всей системой народного быта — от его социально-экономической основы до обрядов, верований, фольклора и языка. Д. К. Зеленин не употреблял таких современных терминов как «система», «структура», «функция», «трансмиссия», «корреляция» и т. д., однако стремление к всестороннему рассмотрению каждого явления в его связи со всеми другими доступными исследованию сторонами народного быта было по существу системным подходом к народной культуре как единому, исторически сложившемуся и вместе с тем динамическому явлению.

Интенсивно формировавшийся молодой ученый, уже поступивший в университет, вдруг как бы становится снова краеведом, т. е. тем, с чего он начинал как любитель. Однако это не сопровождалось снижением уровня понимания целей и задач современной ему этнографии, не вело к той провинциальности и кустарности, которые подчас отличали даже лучших краеведов. Он мечтает о всестороннем исследовании родной ему Вятской губернии, которой посвящено большинство его ранних публикаций. Теперь это — осознанное стремление не обрывать многочисленные нити, связывающие отдельные явления народной жизни, понять их во взаимоотношениях и взаимовлиянии. Обнаруживая за отдельными фактами и явлениями определенные связи и отношения, он стремился не только объяснить сами эти факты и связи, но и их происхождение и развитие. Это приводило исследователя к сфере народной психологии, бытовых представлений и верований, выраженных как в производстве и воспроизводстве вещей, так и в определенных формах социального поведения, в том числе обрядового, речевого, обыденного и т. д.

С 1901 года начинают появляться публикации, уже свидетельствующие о сформировавшихся профессиональных интересах Д. К. Зеленина — «Особенности в говоре крестьян юго-восточной части Вятской губ.»⁴, «Новые веяния в народной поэзии»⁵, «Отчет о поездке в Яранский уезд для изучения народного говора»⁶ и др. Одна из этих статей («Новые веяния...») замечена научными журналами. Рецензия на нее

² Библиография составлена А. И. Васиной-Тарасовой и публикуется в сборнике «Проблемы славянской этнографии. К 100-летию со дня рождения члена-корр. АН СССР Д. К. Зеленина».

³ Краткие сведения об архиве Д. К. Зеленина см.: Н. И. Гаген-Торн, А. И. Васина. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина.

⁴ «Живая старина», 1901, в. 1, с. 81—96.

⁵ «Вестник воспитания», 1901, № 8, с. 86—98.

⁶ «Уч. зап. Юрьевского ун-та», 1902, № 3, Научный отдел, с. 1—17.

в журнале «Литературный вестник» принадлежала перу акад. А. И. Соболевского. Так, Д. К. Зеленин еще в студенческие годы входит в большую науку. Эта статья и до сих пор называется в числе публикаций начала века, оказавших влияние на развитие русской этнографии и фольклористики. Она была одним из первых исследований о частушках. Позже основные идеи статьи были развиты Д. К. Зелениным в публикации «Песни деревенской молодежи, записанные в Вятской губ.»⁷, в статье «Черты современного народного быта по частушкам»⁸, «Из быта и поэзии крестьян Новгородской губернии (по материалам бумаг В. А. Воскресенского)»⁹, и в других статьях и публикациях, образующих целый цикл исследований.

Окончив Юрьевский университет, Д. К. Зеленин становится профессиональным диалектологом, занимается активными экспедиционными сборами диалектологических материалов. Работа рука об руку с А. А. Шахматовым над академическим словарем русского языка формирует его исторические взгляды. Он приходит к убеждению, что объяснение разнообразия диалектологических явлений надо искать во внелингвистической сфере — в истории и этнографии. Публикуя одновременно и другие материалы, он на протяжении следующих десяти лет упорно трудится над монографией, которая стала его важнейшей диалектологической работой и одновременно одной из классических книг по этнографии русских — «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей русской колонизации» (СПб., 1913, 554 стр.).

Ареал диалектной черты, которая заинтересовала Д. К. Зеленина («Ванька», «чайкю»), оказался причудливым и «неправильным». Он не укладывался в позднейшее диалектное членение и не объяснялся старыми племенными границами или границами средневековых княжеств. Все это привело Д. К. Зеленина к мысли выяснить историю отдельных локальных групп, в говоре которых были обнаружены интересовавшие его диалектные черты. Так он пришел к выводу, согласно которому распространение их оказалось связанным с относительно поздними миграционными процессами (XV—XVII вв.), запустением и новым заселением так называемого «дикого поля» — южной и юго-восточной полосы — когда-то бывшей маргинальной зоной великорусской этнической территории. Позже картина еще более усложнилась промысловым «движением по большим рекам», переселениями крепостных крестьян, отхожими промыслами, крестьянскими миграциями, и т. д. Методически очень важно, что Д. К. Зеленин не стремился найти упрощенное одностороннее решение, а исследовал воздействие самых различных факторов. Его историческая концепция сформировалась на основе скрупулезно собранных сведений об истории отдельных групп, исторических свидетельств, преданий самих переселенцев, топонимики, антропонимики, так называемых «присловий» (т. е. прозвищ и кличек отдельных групп населения), ранних списков населенных пунктов. Наконец, собирались и обобщались сведения об особенностях бытовой культуры этих групп (в первую очередь таких устойчивых, как женские головные уборы, одежда, пища и т. д.). Выяснилось, что локальные группы-носители мягкого «к» различны по происхождению, но подверглись сходным воздействиям. Формулируя свои выводы, исследователь продвигается с большой осторожностью, он понимает гипотетичность любой интерпретации и стремится создать гипотезу, которая «не противоречила бы известным фактам».

⁷ «Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1903 год», Вятка, 1903, с. 19—103.

⁸ «Русские ведомости», 1903, № 8 8 января, с. 3.

⁹ «Живая старина», 1905, в. 1—2, с. 57—76.

Академик А. А. Шахматов откликнулся на публикацию книги подробным ее разбором¹⁰. Не соглашаясь с автором в ряде частных толкований, рецензент, отнюдь не отличавшийся восторженностью, писал: «Автор расчистил путь для научного изучения великорусской диалектологии»¹¹.

Некоторые локальные группы, которыми занимался Д. К. Зеленин, сейчас исследованы лучше, чем это было в начале века. И все же, нельзя не признать, что это не поколебало основных его выводов в их диалектологической части¹². В этнографическом же отношении книга Зеленина по-прежнему осталась наиболее обстоятельной сводкой сведений о локальных группах на интересовавшей его территории. Д. К. Зеленин впервые в русской этнографии убедительно показал значение изучения локальных групп, в том числе и относительно поздно возникших. В предисловии к «Великорусским говорам...» он писал о том, что в русской исторической диалектологии существует разрыв между представлениями о раннем состоянии диалектов, реконструируемым по древнерусским письменным памятникам (XI—XV вв.), и сведениями о состоянии русских диалектов в XIX—XX в. Он считал, что его работа даст возможность хотя бы отчасти уменьшить этот разрыв. То же самое можно было бы сказать и о проблемах исторической этнографии русских. Одна из особенностей русской истории заключается в том, что образование локальных групп продолжалось (и притом довольно интенсивно) вплоть до сравнительно недавнего времени (Сибирь, Средняя Азия, Заволжье, южнорусские области и т. д.). Поэтому изучение их и сейчас — одна из важнейших задач восточнославянской этнографии. Д. К. Зеленина следует признать одним из зачинателей этой темы. По крайней мере он понял ее историческую и теоретическую актуальность.

Мы остановились на книге «Великорусские говоры...» несколько подробнее, так как, в отличие от диалектологов, историки и этнографы обращаются к ней незаслуженно редко.

В годы работы над капитальным диалектологическим исследованием Д. К. Зеленин продолжает собирать полевой материал, публикует отчеты об экспедициях и отдельные диалектологические заметки и, вместе с тем, — первые собственно этнографические работы.

В «Истории русской этнографии» С. А. Токарева с полным основанием говорится о том, что первые исследования по материальной культуре русских начали появляться с 80-х годов XIX века, однако систематическое изучение этих новых для русской этнографии проблем стало развиваться только в первое десятилетие XX века¹³. Среди них выделяется книга Зеленина о русской сохе. Изданная Вятским губернским статистическим комитетом и ставшая ныне библиографической редкостью, она до сих пор сохраняет свое значение как сводка важнейших сведений о традиционных русских сельскохозяйственных орудиях. Но не только. Зеленинская концепция происхождения русской сохи, которая одно время бурно оспаривалась, теперь все-таки признается одним из возможных вариантов решения проблемы, наравне с предложенной в 30-х гг. концепцией П. Н. Третьякова. Книга Д. К. Зеленина убедительно показала разнообразие типов и форм русских сох, их традиционность и вместе с тем процесс их усовершенствования. Осмысление этого разнообразия и причин его возникновения составляет достаточно сложную проблему. Обстоятельный обзор типов народных и научных

¹⁰ «Изв. Отделения русского языка и словесности», т. XX, кн. 3, СПб., 1914, с. 332—358.

¹¹ Там же, с. 358.

¹² Ср., например, Л. Л. Касаткин. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах, Л., 1968.

¹³ С. А. Токарев. История русской этнографии (дооктябрьский период), М., 1966, с. 407—408.

названий сохи показал, что «географическое» обозначение сох (вятская, владимирская и т. д.) не может быть научно обосновано. Оно предполагает прямую зависимость видов и форм от «этнографического состава населения», т. е. от этнической традиции, как мы бы теперь сказали. Зеленин считает, что такая зависимость была, однако она осложнялась разнообразием почв, которые требовали применения той или другой разновидности пахотного орудия и, наконец, «экономическим положением населения», т. е. возможностью реализовать этнические традиции или рациональные соображения. Как показала дискуссия о роли этнических факторов в эволюции сельскохозяйственных орудий, развернувшаяся на страницах журнала «Советская этнография» в 1967—1976 гг. (см. «Сов. этнография», 1976, № 3), Зеленин в основном правильно оценил соотношение этнических и неэтнических факторов (если только считать их достаточно легко отделимыми и противопоставлять друг другу).

Мы уже упоминали о том, что, изучая историю южнорусских и среднерусских локальных групп, Д. К. Зеленин пользовался так называемыми «присловьями». Вслед за В. И. Далем, он называл так прозвища и клички отдельных групп населения, составляющих географическое или этнографическое целое (так называемые «дразнилки»). Он показал, что в основе подобного высмеивания обычно оказывается социально-психологическая обособленность, необычность поведения или каких-то особенностей бытовой культуры той или иной этнической группы (старожилы и переселенцы, переселенцы из разных районов расселения русских, переселенцы с различным социальным статусом и т. п.). Присловья могут помочь этнографу и диалектологу выделить локальную группу, оценить степень ее адаптации в новом районе, состояние ее этнического сознания (например, «цуканы» — носители цокающего диалекта, «тястеды», «толоконники», «лапотники» и т. д.).

Работы Д. К. Зеленина 1906—1913 гг. довольно четко распадаются на две группы — статьи по проблемам материальной культуры (например, «Вопрос о типе деревянных построек как о живом свидетельстве древнейшей колонизации Вятской губернии»¹⁴) и статьи о бытовых обрядах (например, «Троецыплатница»¹⁵, «Народный обычай „греть покойников“»¹⁶, «Русские народные обряды со старой обувью»¹⁷ и др.). Несмотря на то, что этот период, как впрочем и все другие периоды творческой деятельности Д. К. Зеленина, к какому бы мы ни обратились, обилел публикациями, новыми темами и новыми идеями, в масштабе всей деятельности ученого он воспринимается как подготовительный. В последующие годы Д. К. Зеленин публикует одну за другой фундаментальные работы, каждая из которых оставила весьма заметный след в истории этнографии восточных славян (да и не только восточных славян).

Необычайная плодовитость Д. К. Зеленина в эти годы может быть понята только при учете одного весьма важного для истории русской этнографии обстоятельства. В 1909—1910 гг. крупнейшие русские этнографы, фольклористы и филологи (С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, Л. Я. Штернберг, Ф. К. Волков, В. В. Бартольд, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, Э. К. Пекарский и др.) принимают живое участие в обсуждении проблем и перспектив развития русской этнографии. Особенно оживленно дискутировались эти вопросы на заседании Отделения этнографии Русского географического общества 30 апреля 1910 г. Среди

¹⁴ «Труды Вятской ученой архивной комиссии», 1912, в. 1—2.

¹⁵ «Памятная книжка Вятской губ. на 1906 год», Вятка, 1906, отд. 2; «Дополнительные замечания к статье „Троецыплатница“», там же.

¹⁶ «Сборник Харьковского историко-филологического о-ва», т. 18, 1909.

¹⁷ «Живая старина», 1913, в. 1—2.

мер, которые были единодушно намечены, особенно примечательно образование специальной комиссии по составлению этнографических карт России. При этом имелись в виду не только карты этнического состава страны и географического размещения отдельных народностей, но и специальные карты по одежде, жилищу и хозяйственному быту¹⁸. Выполнение этого решения требовало не только составления программ, инструкций и вопросников, но и выявления «соответствующей литературы, архивного материала и данных, собранных другими этнографическими комиссиями»¹⁹. Составление библиографии и предварительную обработку материалов архива РГО взял на себя Д. К. Зеленин. Обширная работа была им выполнена в необычайно короткий срок. Уже в 1913 г. был не только составлен, но и издан объемистый «Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России». Совершенно очевидно, что Д. К. Зеленин активно использовал свою домашнюю картотеку, копившуюся с первых лет научных занятий. Но и этим его библиографический вклад в работу Комиссии по составлению этнографических карт не ограничился. В следующем, 1914 году начинает выходить в свет трехтомное «Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества» (1914—1916 гг.). В связи с началом первой мировой войны деятельность комиссии приостановилась²⁰. Кстати заметим, что библиографию Д. К. Зеленин считал занятием, достойным приложения самых квалифицированных сил и самого пристального внимания и уважения. Он хорошо понимал, что от состояния библиографии и учета архивных и музейных источников зависит вооруженность этнографии как науки, надежность результатов работы и отдельных ученых, и целых научных коллективов. Сам же он никогда не жалел ни сил, ни времени на библиографическую работу, обзоры, рецензии, сообщения и другие виды библиографической информации²¹. Большое значение придавал он также пропаганде достижений русской этнографии и фольклористики за рубежом²².

В эти же три года (1913—1915), кроме уже названных работ, Зеленин публикует два сборника сказок — Вятской и Пермской губерний²³, считающиеся и доныне одними из наиболее авторитетных изданий сказок в европейской фольклористике XX века, и известное исследование — «Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественной смертью и русалки» (Пг., 1915).

В многочисленных рецензиях в научных журналах («Этнографическое обозрение», «Известия Отделения русского языка и словесности АН», «Журнале Министерства народного просвещения», «Историческом

¹⁸ Д. А. Золотарев. Обзор деятельности Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России при Императорском Русском географическом обществе (15 окт. 1910 — 15 окт. 1915 года). — «Живая старина», 1916, в. 1, с. XII.

¹⁹ Там же.

²⁰ Д. К. Зеленин снова возбудил вопрос о необходимости картографирования в 1928 г. в статье «Перспективный план работ по генетике культуры» («Краеведение», 1928, № 5, с. 257—266). Здесь он выдвинул шесть первоочередных тем (гончарство «налепом», техника обработки мехов, техника плетения обуви, способы ручного веяния зерна, сооружения для сушки снопов, распространение конопли и льна).

²¹ Обстоятельный обзор библиографической деятельности Д. К. Зеленина см.: М. Я. Мельц. Указ. раб., с. 92—101.

²² См. его работы: «Die russische (ostslavische) volkskundliche Forschung in den Jahren 1914—1924». — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1924, Bd. 1, № 1—2, S. 189—198; № 3—4, S. 419—429; 1925; Bd. 2, № 1/2, S. 202—213; 1927, Bd. 4, № 3/4, S. 413—435; «Neue slavische ethnographische Literatur». — «Slavische Rundschau», 1930, Jrg. 2, № 9, S. 651—658; «Neues zur ostslavischen ethnographischen Literatur». — Там же, 1930, Jrg. 2, № 344—351; «Neues zur ethnographischen Literatur der Ostslaven». — Там же, 1931, № 6, S. 429—439; «L'Etude ethnographique des peuples de l'URSS». — «Ethnographie, folklore et archéologie en URSS». М.—Л., 1933, p. 108—123; «Grundlinien und Errungenschaften der Volkskunde in der USSR». — «Slavische Rundschau», 1934, Jrg. 6, № 2, S. 86—99.

²³ «Великорусские сказки Пермской губернии», Пг., 1914, 656 с.; «Великорусские сказки Вятской губернии», Пг., 1915, 640 с.

вестнике» и др.), известные ученые (В. А. Гордлевский, Е. Н. Елеонская, С. Ф. Ольденбург, и др.) единодушно высоко оценили и текстологические принципы зеленинских сборников сказок, и сопровождающий тексты научный аппарат. Во вступительных статьях читателю предлагалась характеристика сказочной традиции и тщательно собранные наблюдения об исполнителях, особенностях исполнения и восприятия сказок, их функции в быту местного населения. В оба сборника вошло около 250 текстов, большинство которых было записано самим Д. К. Зелениным в 1908—1910 годах. Все тексты публиковались с сохранением важнейших особенностей говоров и группировались по исполнителям. К текстам сказок давались указания на сходные сюжеты в важнейших сборниках русских сказок и список неопубликованных записей сказок из тех же губерний. Таким образом, даже комментарий к этому сборнику — заметное явление в истории русской фольклористики. Он — прямой предшественник указателя русских сказочных сюжетов, составленного во второй половине 20-х гг. Н. П. Андреевым по системе А. Аарне и, в конечном счете, классического комментария к сборнику А. Н. Афанасьева, подготовленного М. К. Азадовским, Н. П. Андреевым и Г. С. Виноградовым при участии И. Я. Айзенштока и К. А. Пушкиревича в конце 1930-х гг. Без малейшего преувеличения можно сказать, что сборники сказок, изданные Д. К. Зелениным, сыграли значительную роль в выработке русской фольклористикой современного типа научного сборника сказок.

И, наконец, последняя из названных выше работ Д. К. Зеленина, опубликованных в эти годы, — «Очерки русской мифологии». Она получила подзаголовок «Умершие неестественной смертью и русалки». Д. К. Зеленин убедительно показал важность для понимания народных верований и обрядов различения так называемых «родителей» и «заложных покойников» (т. е. умерших естественной и неестественной смертью), собрал и проанализировал важнейшие сведения о русалках в восточнославянской бытовой традиции. Напомним лишь другое, менее известное обстоятельство. Книга его была названа «выпуск 1». Д. К. Зеленин задумал в те годы целую серию исследований по восточнославянской мифологии и обрядам или, может быть, точнее, обрядам и верованиям. В основу анализа должны были быть положены обряды в их реальном функционировании, исполнение обряда рассматривалось как актуализация (реализация, манифестация) верований, свойственных определенной среде. Задуманная серия должна была состоять из шести выпусков: умершие неестественной смертью, жертвы умершим предкам, запретные (по мифологическим соображениям) слова в русском языке, обыденные предметы и происхождение идеи «обыденности», обряды со страдательным положением жреца, и, наконец, вятская «троецпылтыница» в связи с иными праздниками в честь животных.

К сожалению, замысел не был полностью осуществлен. Перечисленные темы прошли через статьи, опубликованные в годы, предшествующие или последовавшие за первым выпуском. По второй из задуманных тем были написаны статьи «Народный обычай „греть покойников“»²⁴ и «Русские народные обряды со старой обувью»²⁵, по третьей — в 20-е и 30-е годы был опубликован целый цикл фундаментальных работ, охватывающих проблему магической функции речи и словесных текстов, табуирования их в определенных условиях и т. д., по четвертой — статья «„Обыденные“ полотенца и обыденные храмы (русские народные обычаи)»²⁶, по пятой — «Східно-слов'янські хліборобські обряди

²⁴ «Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. 15, Харьков, 1909.

²⁵ «Живая старина», 1913, в. 1—2.

²⁶ Там же, 1911, в. 1.

качания та перекидання по землі»²⁷, по шестой — две уже упоминавшиеся статьи о «троещиплятице». Кроме того Д. К. Зелениным в разные годы было опубликовано еще несколько статей об обрядах и верованиях восточных славян, которые не предусматривались программой, сформулированной в предисловии к «Очеркам русской мифологии». Достаточно назвать такие статьи как «Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских»²⁸, «Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая»²⁹, «„Спасова борода“ — схинослов'янський хліборобський обряд жніварський»³⁰, «Загадочные водяные демоны „шуликуны“ у русских»³¹ и др. И, наконец, в составе «Востонославянской этнографии» Д. К. Зеленина мы находим четыре обширных главы, в основном посвященных этим проблемам: «Семейный быт», «Общественный быт», «Обряды различных времен года» и «Народные верования». В общей сложности они занимают 120 весьма компактно написанных страниц. Сюда следует еще прибавить многочисленные «обрядовые» пассажи во всех остальных главах — Д. К. Зеленин никогда не пропускал возможность рассмотрения какой-либо проблемы материальной культуры в связи с обрядами, сопровождавшими трудовые процессы.

После защиты докторской диссертации Д. К. Зеленин был избран профессором Харьковского университета. В Харькове он прожил с 1916 по 1925 год и, как недавно было установлено, принимал активное участие в деятельности Харьковского историко-филологического общества, а также сыграл значительную роль в истории музея этого общества и харьковского городского музея. В эти же годы он по предложению известного слависта М. Фасмера начинает готовить для серии «Энциклопедия славянской филологии и истории культуры» книгу, которая сделала его имя всемирно известным. Завершена она была в Ленинграде в 1926 году и получила название «Russische (Ostslavische) Volkskunde», т. е. «Русская (восточнославянская) этнография».

Можно без преувеличения сказать, что «Востонославянская этнография» Д. К. Зеленина была на протяжении полустолетия и до сих пор остается наиболее популярной и авторитетной в мировой науке книгой по этнографии русских, украинцев и белорусов. Д. К. Зеленин, естественно, опирался на предшествующие обзоры этнографии восточных славян или шире — славянских народов от А. В. Терещенко и географических описаний первой половины XIX века до Е. Ф. Карского, Ф. К. Волкова и Л. Нидерле. Однако ни в одном из этих обзоров сведения о трех близкородственных народах не были развернуты с такой систематичностью и полнотой, как это удалось осуществить Д. К. Зеленину. Готовя эту книгу Д. К. Зеленин со свойственными ему трудолюбием и вместе с тем размахом и эрудицией большого ученого поднял мощные пласты источников, накопившихся к этому времени в русских архивах, поврежденных и краеведческих изданиях, которые до него привлекались только выборочно и более или менее случайно. В этом смысле «Востонославянской этнографии» предшествовали его библиографические работы и «Описание архива РГО». Оценить эти источники, правильно понять их и использовать помог ему живой опыт собственной полевой работы, которую он вел особенно напряженно в первое десятилетие своей научной деятельности. Особенно значительным и новым было обстоятельное обобщение сведений о материальной культуре восточных славян, занимавшее три четверти книги.

²⁷ «Етнографічний вісник», Київ, 1927, кн. 5.

²⁸ «Живая старина», 1911, в. 2.

²⁹ «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского», Л., 1928.

³⁰ «Етнографічний вісник», Київ, 1929, кн. 8.

³¹ «Lud słowiański», Krakow, 1930, t. 1, z. 2, dział b.

Книга открывалась небольшим предисловием, за которым следовали краткий обзор основной литературы по этнографии восточных славян и характеристика основных моментов их этнической истории. Материальная культура характеризовалась в восьми главах — «Земледелие», «Животноводство, рыболовство и пчеловодство», «Пища и ее приготовление», «Тягловый скот, сбура и повозки», «Изготовление одежды и обуви», «Одежда и обувь», «Личная гигиена», «Жилище». Главы, в которых трактовались проблемы социальной организации и духовной культуры, мы уже называли. Таким образом, монография Д. К. Зеленина охватывала все основные сферы народного быта восточных славян. Как писал в год выхода книги известный этнограф М. Я. Феноменов, «Восточнославянская этнография» завершила «дело консолидации русской этнографии, как отдельной научной дисциплины, и открывала новую эру в ее развитии»³². В. Н. Харузина писала: «Она должна стать настольной книгой для всякого этнографа, занимающегося этнографией русского народа»³³. Восточнославянские народы и их локальные группы не получили в книге Д. К. Зеленина обособленной характеристики, однако этническая и пространственная дифференциация культуры этих народов все время имеется в виду (украинцы, белорусы, северо- и южно-великорусы). В тех случаях, когда это оказывается возможным, высказываются более или менее убедительные соображения об исторических причинах этих различий или причинах сходства каких-то элементов и комплексов культуры с соответствующими элементами или комплексами, бытующими у соседних народов. В случаях дискуссионных сопоставляются мнения разных ученых, дается им оценка. Так, например, Д. К. Зеленин оспаривает целый ряд суждений исследователей русского жилища (К. Рамм), свадебного обряда восточных славян (Ф. Волков) и т. п. и обязательно при этом демонстрирует материалы, которые не позволяют ему согласиться с этими мнениями.

В ходе изложения восточнославянской этнографии Д. К. Зеленин постоянно интересуется проблема взаимоотношения восточных славян с балтскими, тюркскими и особенно финно-угорскими народами, хотя он в целом и не склонен преувеличивать взаимовлияния и взаимозаимствования. Во введении к книге он посвящает этой проблеме специальный параграф «Русские и финны» (т. е. восточные славяне и народы финно-угорской группы. — К. Ч.). Здесь он решительно заявляет: «Даже теперь весьма распространено мнение, что великорусы возникли в результате смешения славян и финнов. Это предположение принять невозможно. Не подлежит никакому сомнению, что великорусы, как и все народы на земле, не избежали смешения, однако нет никаких оснований считать, что в их происхождении финны сыграли особенно большую роль. Массовая ассимиляция финских народов началась достаточно поздно, по крайней мере позже, чем сформировались великорусы»³⁴.

Невозможно не вспомнить, что в 1929 году Д. К. Зеленин снова вернулся к этому вопросу, чтобы на этот раз развернуть и детализировать свою аргументацию. В первом выпуске сборника Ленинградского общества по изучению культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН) он публикует статью «Принимали ли участие финны в образовании великорусской народности?»³⁵. Эта статья вызвала весьма оживленную дискуссию³⁶.

³² М. Я. Феноменов. Книга, которая создала эпоху. — «Краеведение», 1927, № 4, с. 447.

³³ В. Н. Харузина. D. Zelenin. «Russische (Ostslavische) Volkskunde». — «Этнография», 1928, № 2, с. 154.

³⁴ «Russische (ostslavische) Volkskunde».

³⁵ Сб. ЛОИКФУН, вып. 1, Л., 1929, с. 96—108.

³⁶ М. Т. Маркелов. К вопросу о взаимоотношении финнов и русских. — «Этнография», 1930, № 1—2; С. П. Толстов. К проблеме аккультурации (в связи с работой проф. Д. К. Зеленина «Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности»). — Там же.

вали
авян
ери-
ие»,
гов-
ы и
ко-
ль-
ина
(как
о-
кой
ую
на-
тей
пы
ки,
их
о-
ы-
е-
ов
к-
о-
о,
о
)
е

Всесторонняя оценка дискуссии 1929 года — одна из насущных современных задач советской этнографии. Сейчас уже не составляет труда отделить научное ядро спора от того наносного, субъективного и случайного, что этот спор сопровождало. Резкость обвинений, которые оппоненты бросали друг другу, сейчас уже не может помешать видеть, что они спорили и в научном отношении не вполне корректно. Отчасти был виноват в этом и Д. К. Зеленин. Название его статьи и некоторые неточности его формулировок позволяли как будто считать, что он вообще отрицает «участие финнов» в этнической истории русских. Между тем основная его мысль, если передать ее кратко, заключалась: а) в том, что неверно считать русских (великорусов) финнизированными славянами; б) в том, что наличие финских элементов в севернорусской культуре еще не дает права отрицать культурное единство русских и их родственность другим славянским народам, особенно восточным славянам; в) в том, что процесс ассимиляции финноязычных групп развивался особенно интенсивно в то время, когда русские уже сложились как народность. Несомненно, что в этих основных своих трех утверждениях Д. К. Зеленин был прав. Теперь мы можем сказать об этом еще с большей уверенностью.

Оппоненты были правы, настаивая на том, что «участие финнов» в этногенезе и этнической истории русских бесспорно, что не отрицал и Д. К. Зеленин. С. П. Толстов и М. Т. Маркелов в своих статьях не только высказывали интересные и новые идеи, останавливаясь на которых мы здесь не можем, но и продемонстрировали многочисленные факты, не потерявшие своего значения до сих пор. Однако они явно ошибались, объявляя «великорусскую народность» псевдопатриотической и даже шовинистической фикцией.

Несомненной ошибкой критиков Д. К. Зеленина было требование такого внутреннего «культурного» единства русского этноса (для того, чтобы признать его этносом), которое на уровне традиционной культуры непредставимо даже теоретически. Бесспорно правильное понимание этнической истории как сложного процесса перегруппировок, смены этнических контактов и взаимовлияний, сочетание объединительных и разъединительных процессов, ассимиляции и диссимиляции (особенно ясно видное на примере столь многочисленного и широко расселенного этноса как русские) привело их, однако, к ошибочному отрицанию единства русских как этноса. Совершенно так же можно было бы объявить несуществующим любой этнос (в том числе и любой из тех, которые они будто бы защищали от русофильского шовинизма, произвольно приписывая его Д. К. Зеленину). Указывая на «смешение», они не говорили Д. К. Зеленину ничего нового — он и так в этом не сомневался; обвиняя его в том, что он считает русских извечно существовавшим и саморазвивающимся этносом, они были не правы, так как и в «Восточнославянской этнографии», и в своих более ранних работах он неизменно говорил (так же, как и его учитель — А. А. Шахматов) о том, что русские (великорусы) — этническая общность, сформировавшаяся относительно поздно (вспомним хотя бы его «Великорусские говоры...»).

Пятьдесят лет, которые отделяют нас от этого спора, обязывают нас не вычислять, кто более и кто менее прав или виноват, — это бессмысленно, а обсудить заново во всеоружии фактов, которыми мы теперь располагаем, эту сложную проблему. В настоящей же статье мы должны были коснуться этого вопроса, так как с ним связана одна из легенд, окружавших имя Д. К. Зеленина на протяжении ряда лет. С ней пора расстаться.

Однако вернемся к «Восточнославянской этнографии».

После каждой главы здесь приводилась важнейшая литература. Она была отобрана очень тщательно, поэтому книга Зеленина до сих пор

считается лучшим библиографическим пособием по этнографии восточных славян до конца 20-х годов нашего века. Несмотря на то, что книга писалась в первые послереволюционные годы, в ней не ставилась цель отразить перемены, которые уже начали намечаться в деревне. Д. К. Зеленин с известным основанием считал, что для этого еще не пришло время. Вместе с тем, Д. К. Зеленин всей своей предыдущей деятельностью утверждал, что этнография должна отталкиваться именно от современности, даже осуществляя исторические изыскания. Современность дает внимательному наблюдателю драгоценный материал для них. И наоборот, современность нельзя объяснить, не имея в виду того, что она — результат пережитой истории. Еще в «Очерках русской мифологии» он писал: «Все почти исследователи, занимавшиеся русской мифологией, шли от старого к новому, исходя из исторических известий о древнерусском историческом Олимпе и старались пристегнуть к этим старым известиям данные современных русских поверий. Наш путь совсем иной. Отправною точкою для нас всегда и везде служат современные верования и обряды русского народа. С ними мы сопоставляем исторические известия, если таковые имеются». В одной из немногих статей о Д. К. Зеленине, опубликованных в последнее десятилетие, такой метод назван «ретроспективным». Может быть, это название и не вполне точно, но несомненно, что современность — такой, какой она была в конце XIX — начале XX века, была всегда основным предметом изучения Д. К. Зеленина. Нельзя поэтому не вспомнить и о том, что Д. К. Зеленин был в числе тех, кто первыми разрабатывал программы и методы изучения послереволюционной деревни. Так, например, ему принадлежит составленная в 1930 году «Программа этнографического изучения колхозов».

Вместе с тем, с конца 20-х и в 30-е годы Д. К. Зеленин занимался преимущественно иными проблемами. Он все больше и больше обращается к историко-сравнительному изучению архаических верований и обрядов. В краткой статье невозможно выяснить все факторы, повлиявшие на занятия Д. К. Зеленина в конце 20-х и в 30-е гг. Можно только сказать, что интерес к общетеоретическим и в историческом смысле этого слова ранним проблемам этнографии был свойствен в эти годы не ему одному. Стремление к исторической интерпретации этнографических проблем и живая заинтересованность в том, что в те годы называлось «генетикой культуры»³⁷, должны были увести его за пределы русского и восточнославянского материала. Генетические проблемы могут решаться только историко-сравнительным методом. Вместе с тем исследовательский опыт Д. К. Зеленина предостерегал его от произвольного привлечения параллелей из любого района земного шара. Он считал, что интерпретация сравнительно позднего материала может быть более успешной, если попытаться найти недостающие исторические звенья у относительно близких «соседних» народов, стоящих на более ранних ступенях развития. Поэтому, как правило, Д. К. Зеленин идет от восточнославянского материала к ближайшим народам Поволжья или европейского севера и затем к архаическим формам обрядов и верований народов Сибири и только потом, если возникает необходимость и выявляется интересный сравнительный материал — к другим народам земного шара, у которых были зафиксированы еще более архаические формы.

К обширному циклу подобных статей, написанных в конце 20-х и в 30-е годы относятся такие известные работы как «Табу слов у народов

³⁷ См. например, Д. К. Зеленин. Перспективный план работ по изучению генетики культуры. — «Краеведение», 1928, № 5, с. 257—266.

Восточной Европы и Северной Азии»³⁸, «Магическая функция примитивных орудий»³⁹, «Тотемический культ деревьев у русских и у белорусов»⁴⁰, «Религиозно-магическая функция фольклорных сказок»⁴¹, «Идеология сибирского шаманства»⁴², «Магическая функция слов и словесных произведений»⁴³, «Культовый онгонов в Сибири»⁴⁴, «Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов»⁴⁵ и др. В одной из своих относительно поздних статей Д. К. Зеленин, характеризуя процесс диалектического познания народных верований и обрядов, писал: «...от изучаемого комплекса религиозной идеологии к социальной структуре общества — создателя и носителя данной системы верований и обрядов, и от производственных отношений общества на данной стадии — к системе изучения обрядов и верований»⁴⁶. Несколько перефразируя и уточняя, можно было бы эту методическую декларацию использовать для кратчайшей характеристики исследовательского пути самого Д. К. Зеленина — от обрядов, диалектологии и фольклора к широкому вовлечению проблем материальной культуры, многие разделы которой тогда только начинали разрабатываться, к синтетическому обобщению традиционной культуры трех восточнославянских народов и — на новом витке движения — возврат к проблемам обрядов, верований и фольклора с одновременным углублением в гущу традиционных представлений и традиционных категорий социальной (исторической) психологии.

Лучшие работы Д. К. Зеленина были по своему глубокому смыслу и методическому знанию синтетическими, комплексными, как мы бы теперь сказали. Однако эта комплексность заключалась не в том, что он участвовал в коллективных исследованиях в соавторстве с представителями «соседних» дисциплин. Синтетическим и комплексным было само его научное мышление, его исследовательские приемы и методы. Данные родственных наук не просто увязывались у него в единый результат, а освещали друг друга, взаимно друг друга объясняли. В каждой из этих областей он был не гостем, не дилетантом, а хозяином и профессионалом. Именно поэтому имя Д. К. Зеленина принадлежит истории не только этнографии, но в равной мере и русской диалектологии, русской фольклористики, русского религиоведения.

Это качество Д. К. Зеленина представляется нам особенно поучительным и важным. Оно не может быть объяснено просто даровитостью ученого и его трудолюбием, хотя без них и не могло быть реализовано. Это была принципиальная позиция, методическая концепция, которая предопределила его близость современной этнографии и право многих современных этнографов и фольклористов (особенно, разумеется, славистов) считать Д. К. Зеленина в числе своих ближайших учителей, вне зависимости от того, слушали они его университетские лекции или нет.

В 1940-е годы Д. К. Зеленин опубликовал сравнительно немного. Для этих лет его деятельности характерен как бы возврат к славистической тематике, который был стимулирован все возрастающим интересом к славянам, их культуре и истории и интенсивным сближением ученых Советского Союза с учеными социалистических стран Европы, в

³⁸ Часть I — «Запреты на охоте и иных промыслах». — «Сборник МАЭ», т. 8, Л., 1929; часть II — «Запреты в домашней жизни». — Там же, т. 9, Л., 1930.

³⁹ «Изв. АН СССР», 7, серия «Отделение общественных наук», 1931, № 6.

⁴⁰ Там же, 1933, № 8.

⁴¹ В кн. «Сергею Федоровичу Ольденбургу. Сборник статей», Л., 1934.

⁴² «Изв. АН СССР», 7, серия «Отделение общественных наук», 1935, № 8.

⁴³ В кн. «XLV. Академику Н. Я. Марру», Л., 1935.

⁴⁴ «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 14. Этнографическая серия, вып. 3, Л., 1936.

⁴⁵ Там же, т. 15, вып. 2. Этнографическая серия, № 5, М. — Л., 1937.

⁴⁶ Д. К. Зеленин. Истолкование пережиточных религиозных обрядов. — «Сов. этнография», 1934, № 5, с. 3.

том числе и славянских стран⁴⁷. Вторая его важнейшая тема этих лет — народы Прибалтики и балто-славянские связи⁴⁸.

Таков вкратце почти полувековой путь Д. К. Зеленина в науке. Умер он 30 августа 1954 года. В год его смерти была опубликована большая статья «О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода»⁴⁹ и в 1958 году — «Про київське походження карпатських українців-гуцулів»⁵⁰.

Отдельные идеи, которые формулировались Д. К. Зелениным или, тем более, частные выводы, к которым он приходил в своих исследованиях, представляются теперь уже подчас не столь убедительными. В этом нет ничего удивительного — многие из них были написаны пятьдесят, шестьдесят или семьдесят лет тому назад. Так, например, трудно согласиться с предложенным им, вслед за А. А. Шахматовым, членением восточных славян не на три (как это сложилось исторически), а на четыре народа. Эта идея фигурирует и в «Востоčnoславянской этнографии». Современная теория этноса подчеркивая, что он выражает себя в традиционной бытовой культуре, вместе с тем, предостерегает от абсолютизации этого представления. В конечном счете решающим является этническое самосознание. Различие в культуре может устанавливаться научным исследованием, но оно может осознаваться или не осознаваться самими носителями этих культур и в связи с этим приобретать или не приобретать этническую функцию. Впрочем, следует признать, что этот тезис, не оказавший заметного влияния на дальнейшее развитие восточнославянской этнографии, способствовал дифференцированной подаче материала на страницах «Востоčnoславянской этнографии». Наряду с пометами «украинское» и «белорусское» мы здесь постоянно встречаем пометы «южновеликорусское» и «северновеликорусское», позволяющие четче группировать обширный материал, с которым знакомится читатель.

Столь же спорна идея, развивавшаяся Д. К. Зелениным в целом ряде работ 20—30-х гг., о дорелигиозной стадии как древнейшей стадии истории человеческого мышления. Не будем сейчас вдаваться в историю этого представления; важно, что Д. К. Зеленин не только разделял его, но и был его пропагандистом. Вероятно все-таки ближе к истине те ученые, которые считают, что для древнейшей человеческой истории было характерно не безрелигиозное, а синкретическое по своей природе мышление.

Д. К. Зеленин несколько прямолинейно понимал зависимость между «базисными» и «надстроечными» явлениями. В связи с этим он, как и некоторые другие исследователи тех лет, подчас приходил к выводам, воспринимающимся сейчас как явные упрощения. К их числу можно отнести, например, квазиреалистические объяснения происхождения некоторых обрядов или верований (например, обработка рыболовных сетей дымом — огнем не с целью магического очищения, а для того, чтобы рыба не почувствовала запаха человека; прообраз русалок — девушки, пропавшие в лесу без вести или убежавшие от родительского гнета и т. д.), связанные с вполне понятным стремлением обнаружить их кор-

⁴⁷ Д. К. Зеленин. Об исторической общности культуры русского и украинского народа (некоторые этнографические параллели). — «Сов. этнография», 1940, № 3; *его же*. Общественные игры военного характера у чехов. — «Второй Всесоюзный географический съезд. Тезисы докладов по секции этнографии и антропологии», М. — Л., 1947, и др.

⁴⁸ См.: Д. К. Зеленин. Обзор рукописных материалов ученого архива Всесоюзного географического общества о народах Прибалтики. — «Сов. этнография», 1947, № 6—7; *его же*. Общие элементы в древних финских и русских костюмах. — «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Серия востоковедческих наук», вып. 2 — «Сов. финноугроведение», т. 1, Л., 1954 и др.

⁴⁹ «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 6, М. — Л., 1954.

⁵⁰ «Українська етнографія», Київ, 1958.

ни в реальной действительности, но преимущественно в «дорелигиозных» ее слоях.

Разумеется, четверть века, прошедших с тех пор, как советская этнография потеряла Д. К. Зеленина, не прошли даром. Собрано много новых фактов, значительно усовершенствовалась методика изучения целого ряда важнейших проблем восточнославянской этнографии. Особенно значительны достижения в целом ряде разделов изучения материальной культуры (поселения, жилище, одежда, сельскохозяйственные орудия), фольклора, социальных институтов (семья, община), календарных и семейных обрядов, возникло и успешно развивается направление, которое еще не было известно Д. К. Зеленину — этнография города и рабочих. Прделана значительная работа по картографированию отдельных элементов и комплексов материальной культуры русских, украинцев и белорусов, описаны и изучены локальные группы, о которых раньше знали мало, ведутся экспериментальные работы по подготовке европейского этнографического атласа, опубликован ряд исследований современного быта и культуры восточных славян.

Однако, как мы уже говорили, обобщающие труды Зеленина и его фундаментальные библиографические и источниковедческие работы, так же как постоянное стремление к комплексному изучению проблем народной культуры, не потеряли своей актуальности и в наши дни. Более того, мы все отчетливее сознаем, что без многих публикаций Зеленина невозможны были бы достаточно основательные современные исследования и что он для нас не только один из крупнейших русских этнографов, но и прочное звено, соединяющее советскую этнографию с лучшими достижениями русской этнографии XIX — начала XX века. Переиздание его важнейших исследований, давно уже ставших библиографической редкостью, и, прежде всего, публикация на русском языке его лучшей книги — «Восточнославянской этнографии» — одна из актуальных задач современной советской этнографии.

**DMITRIY KONSTANTINOVITCH ZELENIN
(TO THE CENTENARY OF HIS BIRTH)**

D. K. Zelenin (1878—1954) began his research career in the first decade of the 20th century; he became an embodiment of the lasting ties between the traditions of Russian science in the 19th and early 20th centuries and the ethnography of the Soviet period. He accomplished a huge work in summarizing the ethnographic study of the Eastern Slavs («Russische (ostslavische) Volkskunde», 1927, as well as fundamental bibliographical works).

D. K. Zelenin left a large heritage. However, very little has been written about him. Hence it should be our urgent task to uncover his works, to take stock of them and make them known with due critical approach. The present paper offers a general survey of the most important of D. K. Zelenin's ethnographical, dialectological and folkloristic publications. His works have been analysed in detail in a collection of papers dedicated to his memory («Problems of Slav ethnography. To the birth centenary of corresponding member of the USSR Academy of Sciences D. K. Zelenin») which is at present in print.